

ГЕРОИ В ЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

молк. самосилом - 2001. - 29 янв. - С. 2.

В тридцатых годах в Америке из-под кисти малоизвестного на тот момент художника вышел персонаж, которому суждено было в очень короткие сроки покорить весь мир. Симпатичного мышонка — героя бесчисленных комиксов и мультфильмов — назвали Микки-Маусом. Так мир узнал имя Уолта Диснея.

ПАПА КАРЛО — ОТЕЦ СТРАШИЛЫ

Отец Диснея повезло куда меньше. Их имена знакомы очень ограниченному числу знатоков, и миллионных состояний они в отличие от американских коллег так и не нажили. А между тем на их иллюстрациях к детским бестселлерам выросло не одно поколение советских и позже российских ребятишек. Непоседливый Буратино в пестром колпачке, печальный Пьеро, ужасный Карабас-Барабас, смешной и симпатичный Страшила, благородный Железный Дровосек, коварный Урфин Джюс со своими деревянными солдатами, три Толстяка, Чиполлино... Всем им подарил внешность заслуженный художник России Леонид Владимировский. Общие тиражи книг с его иллюстрациями уже перевалили за 20 миллионов (!) экземпляров.

Леонид Викторович бодро повел нас на третий этаж старинного дома. Поспеть за ним, шагающим через две ступеньки, было нелегко. И это при том, что Владимировскому совсем недавно «стукнуло» восемьдесят!

— А вы знаете, что меня считают умершим? — оговорил нас хозяин после того, как мы добрались-таки до мастерской. — Видите рисунок (он демонстрирует нам пластиковую бутылку из-под воды, на этикетке которой красовался длинноносый Буратино)? Я недавно позвонил в эту фирму, поинтересовался, не хотят ли они заплатить художнику Владимировскому за использование его образа. «Что вы, — говорят они мне, — художник Владимировский давно уже умер». — «Да я жив!» — кричу им.

А ведь художника Владимировского могло и не быть. После школы по совету отца поступил учиться в инженерно-строительный институт.

— Тогда бы у всех нас был совсем другой Буратино...

— А у меня жизнь перевернулась... из-за девушки! Дело было сразу после окончания войны. Я только что демобилизовался, вернулся в Москву. И тут товарищ зазвал меня погулять на ВДНХ. Ну ходим мы, отдыхаем. Он говорит: «Знаешь, тут рядом есть ВГИК, пойдем на девочек посмотрим». Только зашли в здание — подлетает к нам какой-то маленький человечек (декан художественного факультета Сергей Каманин) и спрашивает: «Вы на какой факультет хотите?» Я был в своей лейтенантской форме, с наградами, и он решил, видимо, что мы выбираем, куда поступить. Нам неудобно признаться, что мы просто на будущую актрису пришли посмотреть, стоим, немеем. Он ко мне обращается: «Вы рисуете?» «Ну, — говорю, — стенограмму оформляю...» — «Замечательно, не сите работы, поступайте к нам!» Прихожу домой, рассказываю со смехом жене Белле. Она мне погрозила строго, а потом и спрашивает: «Ты хочешь учиться там?» Еще бы не хотеть: это же ВГИК! С другой стороны, мне к тому времени осталось всего год отучиться в строительном — и готов диплом инженера. К тому же семья — надо ее кормить, а денег нет. Жена говорит: «Давай как выйдет: поступишь — хорошо, нет — не судьба». Ну, пошел сдавать экзамены. Через какое-то время смотрю: моя фамилия — в списке зачисленных, да еще назначили старостой курса. Учиться поначалу трудно было: все ребята в группе моложе меня, я в их глазах, можно сказать, старый был — к окончанию уже 30 лет стукнуло.

— Жена ваша, наверное, потом раскалась в своем опрометчивом совете: вот, мол, взрослый мужик, фронтовик, должен деньги зарабатывать, а он рисует какие-то картинки с молодыми девчонками...

— Нет, что вы! От нее главная поддержка была. Мы с ней дружили с одиннадцати лет... А поженились в июле сорок первого, когда у меня в кармане уже повестка лежала. Потом три года не виделись: я на фронте, она — в эвакуации... Тридцать пять лет мы были вместе... Трудное это было время... На первых курсах, чтоб хоть что-то заработать, халтуркой занимался — раскрашивал пуговицы по копейке за штуку...

— Что за пуговицы?

— Да самые обыкновенные — для женских пальто, платьев и кофточек. После войны нор-

РИСУНОК ЛЕОНИДА ВЛАДИМИРОВСКОГО

Деревянного мальчишка нарисовали с девочкой

мальных пуговиц в продаже не было. Выпускали стеклянные, а я их раскрашивал специальными анилиновыми красками. Чтобы набрать денег на обед, приходилось несколько сот штук разрисовать. Еще малевал на клеенке лебедей — знаете, модный тогда был сюжет: охотник с ружьем, собака, озеро с камышами, и обязательно чтоб лебеди плавали... Потом эти коврики продавал в деревнях и жил с семьей на выручку целое лето. В конце концов закончил ВГИК — даже с отличием. По идее должен был стать художником-мультипликатором. Но так и не стал. И в этом, без сомнения, вина Пушкина.

— У нас в России чуть что, так во всем Пушкина виноват...

— А кто же еще! Дипломную работу я делал по поэме «Руслан и Людмила», но не на бумаге, как все, а снял рисунки на цветную пленку и показывал через фильмоскоп — восемьдесят кадров. Меня тут же поймал директор студии «Диалфильм» и говорит: «Мы покупаем у вас диплом». Пригласили главного художника на студию. Нарисовал там десять диалфильмов, в том числе и «Золотой ключик» по повести Алексея Толстого.

— Интересно, как вы придумывали свои первые образы? Может быть, их лица вам просто приснились?

— Всех пушкинских героев-мужчин, претендентов на руку Людмилы, я нарисовал довольно быстро: их характеры мне были понятны. Фарлаф — толстый обжора, пьяница, хвостун и трус; Ратмир — юный, восторженный; Рогдаль — «Людмилы мрачный обожатель», самый старший из всех, сильный, грубый, настоящий воин. Трудней было с Русланом: надо мной буквально довлел кинообраз, созданный известным актером Столповым, — эдакий молодой красавец, русский богатырь... Но и тут в конце концов справился. А вот Людмила — ну никак не давалась. Нарисую, покажу в издательстве — не нравится, и все тут. Сделал вроде бы симпатичную, курносенькую такую, а мне говорят: у вас какая-то официантка из ресторана, а не княжна. Что делать? Тогда я начал настоящую охоту на красивых девушек. Сяду с блокнотом на Тверском бульваре, и как только увижу приятное личико — цап-царап, и поволок в мастерскую, рисовать. И еще когда в «Артеке» был, тоже искал. Приехал — и первым делом на пляж, хожу среди девочек старшего отряда, рассматриваю их, поворачиваю... Вожатые испугались, чуть милицию не вызвали. За сексуального маньяка, наверное, приняли... Нарисовал в результате девятнадцать Людмил. В конце концов решил довериться вкусу самого Пушкина: уж он-то понимал толк в женщинах! Взял акварельный портрет его Натали и с него нарисовал Людмилу. Только вот нос ей сделал чуть-чуть курносый — это уж по своему вкусу.

— Наверное, самая знаменитая и узнаваемая ваша работа — это иллюстрации к

«Золотому ключику» Алексея Толстого. Там такой симпатичный мальчуган: улыбка до ушей, длинный нос, волосы-стружки... Вы, когда его создавали, тоже такой «кастинг» моделей-мальчиков устраивали?

— С ним такая история получилась. Еще до войны руководители студии «Диалфильм» заказали Алексею Толстому покатьровый текст. Он сначала долго отбрыкивался, отнекивался, но потом сдался и заказ выполнил. Написал все сам — не любил, чтобы работали за него. Но в 41-м году в здание «Диалфильма» попала «зажигалка», и текст сгорел. Пришлось мне самому восстанавливать его по сохранившимся в архиве черновикам писателя. Слепил из них кое-как покатьровый текст, пришел к Людмиле Ильиничне Толстой, вдове Алексея Николаевича. Она прочтала, одобрила. К тексту нужны были рисунки. Я подумал, что Буратино в книге Толстого — очень непоседливый мальчик, и потому рисовать его нужно не как деревянную куклу, а как живого ребенка. Взял собственную дочь (ей пять лет было), прилепил на лицо треугольный картонный нос, на голову наддел колпак — вот и получился Буратино. Одежду его, правда, я немного изменил — сделал более яркой (красная курточка, черные штанишки), да и колпак покрасил. У Толстого он белый, а я сделал его полосатым — так, по-моему, веселее получится. С 1952 года мой Буратино — только такой.

— Получается, создать книжный образ так просто? Подобрал натурщика — и рисуй с него героя?

— Все зависит от характера. Папу Карло, например, я скопировал с деда моей жены. Он такой высокий был, с седой шевелюрой. Когда диалфильм вышел, его все время спрашивали на улице: «Вы известный артист — в кино снимаетесь?» А он отвечал с такой важностью: «Да, актер, снимаюсь на «Диалфильме». В 1956 году пришла мне идея — выпустить книжку по фильму. Это был первый советский комикс: картинки и немного текста под ними. Помню, ругали за него вначале страшно: подражание Западу! Потом, когда он разошелся огромным тиражом, переиздавали чуть ли не каждый год.

— Мальчишки всегда брали пример с Буратино: он храбрый, сообразительный — настоящий герой, хоть и хулиганистый немножко. Красавица Мальвина в повести вся исключительно положительная... Где вы нашли такую примерную девочку?

— Здесь все проще. Мальвина в моем представлении — это просто красивая кукла. В то время продавались в «Детском мире» такие большие шагающие куклы — может быть, пом-

ните? С голубыми глазами, огромными ресницами, пышными кудряшками — мечта всех советских девчонок... Вот одно из этих творений и стало моей Мальвиной.

— Многие художники, насколько я знаю, сначала представляют своего будущего героя «изнутри», а потом только рисуют его «внешность». Для вас, получается, важнее сначала увидеть персонажа, а уже потом понять его «содержание»...

— Для меня главное — найти образ. И толчок к его созданию может возникнуть совершенно неожиданно — и из внешнего сходства, и из внутренней похожести. Вот в «Желтом тумане» Александра Волкова есть такая ведьма Арахна, злая колдунья. Она великанша, малограмотная, грубая. Я понимаю, какая она внутри. Но вот какая она снаружи — никак не могу представить! В голове — полная пустота, а работу скоро сдавать, редакторы торопят... Я сажусь в метро, начинаю кататься, рисую всяких бабок. Показываю Волкову, он говорит: «Это какие-то добрые бабки, а Арахна — злая». И вот поднимаюсь я как-то по лестнице, а навстречу идет моя соседка с помойным ведром. «Батюшки, — думаю, — что же я мучаюсь целый месяц, когда у меня в квартире (мы жили в коммуналке) обитает эта самая ведьма!» И внешность подходит, и характер. Я ее быстро нарисовал. Вышла книжка — я ей показываю и как бы между прочим хвастаюсь: «Посмотрите, какая замечательная картинка». — «Да, — говорит, — похожа». Ну, думаю, неужели она себя узнала? Обидится еще, а она злопамятная, начнет всякие гадости делать... Спрашиваю робко: «А на кого похожа?» — «Да на соседку с третьей квартиры — точно такая же ведьма!»

— Я знаю, что вы написали продолжение книжки о приключениях Буратино...

— У Алексея Толстого Буратино действует в двух книгах: сначала на своей родине, в Италии, а потом — в Ленинграде, куда он вместе с Мальвиной, Артемоном, Пьеро приплывает на пароходе. Там с ними тоже много всего происходит, и на этом повести Толстого заканчиваются. И вот как-то на даче случилось со мной несчастье: шел по лесу, наступил на шишку, подвернул ногу. Лежу на террасе, работать не могу (я рисую всегда стоя). И пришло мне в голову написать продолжение книги Толстого — «Буратино ищет клад», где он с друзьями и папой Карло попадает на необитаемый остров и там борется со злыми пиратами. Критики называли мойopus первым триллером для детей...

— Цикл книг Александра Волкова об Изумрудном городе, который вы иллюстрировали, стал настоящим детским сериалом — по сути первым в нашей литературе. Как вы очутились в «Изумрудном городе»?

— Первая книга — «Волшебник Изумрудного города» — мне попала в детской библиотеке. Она еще была с черно-белыми штриховыми иллюстрациями. Я поехал в издательство, договорился оформить книгу по-новому. Тогда-то и появились мои Страшила, Железный Дровосек, Элли, Тотошка, Гудвин и другие. Кстати, в американских изданиях Страшила изображен с дыркой вместо носа: он ведь огородное пугало, должен соответствовать своему имени — страшить ворон. А я поставил ему на нос заплатку, сделал его более симпатичным — таким, какой он по своей внутренней сущности. Потом я узнал, что в Америке у оригинала нашего «Изумрудного города» — книги Френка Баума «Волшебник страны Оз» — более сорока продолжений, написанных разными авторами. Я предложил Волкову написать собственный вариант приключений в Волшебной стране, и таким образом появился «Урфин Джюс и его деревянные солдаты», «Семь подземных королей», «Огненный бог марранов» и другие книги. Кстати, королей сначала было не семь, а двенадцать: Волков придумал их по количеству месяцев в году. А я убедил его оставить семь — по числу цветов радуги. Таким образом, каждый подземный король обрел свой собственный цвет и характер.

— Неужели вас никогда не тянуло в «серьезное», взрослое искусство?

— Начиная с живописи, можно сказать, как и всякий «классический» советский художник. Моя выпускная работа — картина маслом, называлась «Боксер». Такой образцовый пример соцреализма... Получил за нее «пятерку» — обрадовался, думаю, такую «отличную» работу у меня обязательно купят. Принес ее в художественный салон на улице Горького. А там меня раскритиковали в пух и прах: это, мол, не искусство — мазня, не то что продавать — даже показывать такие вещи нельзя... Я очень расстроился, поставил картину к стене и ушел. И не вспоминал больше о ней. И вот через тридцать лет получаю из Брянского художественного музея письмо, в котором интересуются, моя ли это работа. Они приобрели «Боксера» в салоне и поместили в основную экспозицию как образец советской живописи... Прибегаю в салон, требую свой гонорар. А они уже и думать обо мне забыли: тридцать лет прошло! С большим трудом получил от них тысячу рублей... На эти деньги купил наконец себе телевизор.

— Вы рисуете уже более пятидесяти лет. Не надоело вам тиражировать одни и те же, в сущности, образы?

— Я всегда был авантюристом. Это и дает вкус к жизни, не дает «закиснуть». Лазил в Перу на самую высокую гору, кочевал по Патагонии. Рисовал комиксы, когда само это слово было у нас ругательным, летал одним из первых советских туристов в Австралию и Новую Зеландию... В самолете тогда познакомился с Чарли Чаплином. Он летел с женой и сыном. Наша делегация подошла к нему — конечно, всем интересно: живая кинолегенда! — а я его стал рисовать. И чувствую: ничего не получается — нет образа. На бумаге выходит пожилой такой, толстенный, вполне довольный собой господин. Чаплин взял у меня фломастер и сам нарисовал себя — котелок, глазки, усики. И расписался. (Владимировский показал листок с известным всему миру образом маленького человека с очень грустными глазами.) С тех пор я тоже вместо подписи на своих книгах рисую себя: очки и борода...

Игорь СЕРГЕЕВ